

Александр Денисов

Гексаграмма № 63

*Часть сборника
Настоящая фантастика – 2016
(сборник)*

Александр Денисов

Гексаграмма № 63

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

Денисов А.

Гексаграмма № 63 / А. Денисов — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-013782-4

«...В парадном не пахло ничем. Даже смертью. И тем более – мочой и фекалиями. Фекалиями... Муравей попытался улыбнуться собственной интеллигентности. Он полз на второй этаж по широкой лестнице. Как самый настоящий муравей. Если только муравьи могли существовать в таком адском холоде. И голоде. Засунутая в карман пальто рука слабо сжалась. На том месте, где теперь пустота. Ничего. Ни крошки от ста двадцати пяти граммов хлеба. Вязкого, словно глина. То, что полагалось ему как научному сотруднику Музея естествознания. Как хранителю кита. – Зачем вы это сделали? Голова кружилась, и Муравью показалось, что голос раздается прямо в звенящем от пустоты черепе. – Зачем вы это сделали? – повторил голос. – Ведь она все равно умрет. А у вас еще есть... был шанс выжить...»

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

ISBN 978-5-04-013782-4

© Денисов А., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	5
1. В нашем доме поселился удивительный сосед	7
2. Мельмот Скиталец	9
3. Человеческая комедия	11
4. Кафе «Альфа»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Савеличев

Зовущая тебя Вечность

(повесть)

*Мгновенья раздают – кому позор,
кому бесславье, а кому бессмертие.*
Р. Рождественский

Пролог

Модель Эйнштейна – Геделя

Два человека медленно шли по залитой летним солнцем улице. Если бы не тень от деревьев, было бы жарко. Нестерпимо жарко. Один из идущих вполне соответствовал сезону, облаченный в широкие легкие брюки, светлую рубашку с закатанными рукавами, зато второй был в безукоризненном сером костюме в полоску.

Муравей, который наблюдал за ними из окна кафе, вдруг подумал, что человек в костюме напоминает ему чеховского «человека в футляре» – своей тщательной упакованностью, которую дополняли круглые очки и шляпа. Клоун и «человек в футляре» – странная пара. Они о чем-то говорили, точнее, говорил человек с растрепанной седой шевелюрой и смешной примятой шапочкой, а тот, что в очках, смотрел под ноги, изредка кивал и сдержанно улыбался.

Муравей знал, что они зайдут в кафе. Он даже знал, какой столик займут. Что такое Вечность, как не вечное возвращение? Все повторяется раз за разом. Через тысячу, через миллион, через миллиард лет – какая Вечности разница? Муравей отхлебнул кофе из чашечки и с особой остротой ощутил – все это было, есть и еще будет множество раз.

– Конечно, это не совсем то, что я ожидал, друг мой Курт, – сказал человек с растрепанной шевелюрой. – Но подобные истории меня уже не удивляют. Наши работы с Планком оказались провозвестниками квантовой механики, но я никогда не смогу принять Стокгольмскую интерпретацию! Получается, бог играет в кости! Как заядлый игрок, превращая физические закономерности в случайности.

– Так выходит, – сказал человек в очках. – Поверьте, Альберт, я следую лишь математике, которая такая же реальность, как мороженое у вас в руках. Особая реальность, но все же реальность. Релятивистские уравнения допускают такой вариант решений, а значит, мироздание вполне может быть таким...

Муравей с соседнего столика смотрел на разговаривающих. Даже с высоты Вечности эти двое были титанами. Титан физики и титан математики.

Человек, которого называли Альберт, схватил салфетку, достал из кармана изрядно погрызенный карандаш:

– То есть мы имеем решение в виде стационарной вселенной с замкнутым на себя потоком времени, так?

– Ну... можно сказать... Точнее будет интерпретировать временной поток не как замкнутый, а переходящий из прошлого в будущее и из будущего в прошлое в некой своеобразной точке... Точке перехода, или точке перегиба. Не суть важно, как назвать, но у нее весьма интересные характеристики. Вот взгляните... – человек в очках достал из кармана блокнот, перелистал несколько страниц.

Муравей решился. На этот раз он все же решился. Промокнул салфеткой губы, встал, подошел к столику и слегка поклонился:

– Простите, господа, что вторгаюсь в вашу беседу, но ее предмет меня очень заинтересовал.

– Вы... вы – немец? – Альберт удивленно смотрел на Муравья.

– Нет-нет, что вы. Всего лишь владею языком. Поэтому невольно подслушал часть того, о чем вы говорили... Эта точка перегиба времени, о которой упоминалось... не является ли она указанием, что в данном решении кое-чего не хватает?

– О чем вы? – человек в очках посмотрел на Муравья.

– Насколько я помню... знаю, – поправился Муравей, – в уравнения Эйнштейна... извините, господина Эйнштейна, включался так называемый лямбда-член, чтобы обеспечить силу отталкивания в модели вселенной. Он возникал, потому что в релятивистские уравнения не входит условие сотворения мира. А если у нас нет того, кто сотворил мироздание, то закономерно ожидать, что данное упущение проявится и в других возможных решениях.

– Курт, я, кажется, понимаю, о чем говорит молодой человек, – Альберт зачерпнул ложечкой подтаявшее мороженое и отправил его в рот. – Точка слияния прошлого и будущего – свидетельство отсутствия во вселенной бога. Мы попадаем в дурную бесконечность, переживая раз за разом всю историю мироздания. То самое вечное возвращение Ницше. Ты, оказывается, – ницшеанец, друг мой Курт!

– А кто вы? – Курт пристально смотрел на Муравья. – Кто вы такой?

– Бог, – сказал Муравей. – Всего лишь бог. И как бог хочу сказать, что вы чертовски правы, господин Гедель. Ваша модель стационарной вселенной... Как бы это выразить точнее... Она взята за основу.

– Вы сумасшедший, – покачал головой человек в очках. – Я не знаю, кто вы на самом деле, но вы – сумасшедший.

– Мы все, друг мой Курт, сумасшедшие, – сказал Альберт и, словно в подтверждение своих слов, показал язык проходящей мимо девчужке. Девчужка заулыбалась. – Только дети нас понимают.

– Через много-много лет в будущем, или, если угодно, много-много лет назад, в прошлой вселенной, люди изобрели Вечность. То есть они думали, что обрели бессмертие, самое настоящее – вечную жизнь, неуязвимость, но оказалось, нельзя измениться самому, не изменив окружающее мироздание, – сказал Муравей. – И мироздание лишилось творца. Он умер. Или ушел. Или исчез. Не важно. Важно то, что мы оказались в Вечности, из которой не вырваться. В полном согласии с вашей моделью стационарного времени. Это и есть Вечность, господин Гедель. А все эти боги древности, о которых позабыло или все еще помнит человечество, – Вечные в бесконечном коловращении Хроноса.

1. В нашем доме поселился удивительный сосед

Мы с Мишкой поддались на уговоры его отца – все же прочитали книжку «Звездный билет» и твердо решили – после десятого ни в какой институт не поступать, а отправиться путешествовать.

Маршрут был задуман такой: сначала, как и у героев книжки, – в Прибалтику, ведь это, говорил Мишка, бывавший в Риге, почти заграница. Потом – Сибирь, Байкал, Дальний Восток, Сахалин. И так нам захотелось в путешествие! А вместо этого торчим в городе все жаркое лето. Время, хоть и каникулы, тянулось медленно и скучно. Но тут в нашем доме появился Николай Николаевич.

Он появился как-то очень незаметно. Словно всю жизнь проживал на четвертом этаже, каждый день спускался во двор, выходил из парадного, раскланивался с бабушками, сидящими на лавочках, и шел в молочный и булочный магазины, размахивая авоськой. Ходил он странно, будто на кончиках пальцев, и к тому же подпрыгивал – чуть-чуть, но от этого еще больше походил на птицу.

– Птица-секретарь, – сказал Мишка, когда мы впервые увидели Николая Николаевича. – Вылитая.

– Таких птиц не бывает, – возразил я, хотя точно знал – Мишка не придумывает. Если он что сказал, то железно прочитал в энциклопедии или в одной из тех книжек, которые не перестает таскать из библиотеки даже летом.

– Бывает, – Мишка проводил взглядом Николая Николаевича, а затем спросил: – Ты не заметил в нем что-то странное?

Ничего странного я в новом соседе не заметил, но решил поддержать интригу, как выражалась мама, когда слушала по радио какой-нибудь спектакль, и зловеще прошептал:

– Заметил. А ты?

Мишка почесал в затылке.

– Нет, – сказал он. – Не заметил. А что ты увидел?

Всегда попадаюсь на его удочку! Сколько лет дружим, а не могу привыкнуть. Но, как говорит бабушка, назвался груздем – полезай в кузов.

– Все. Все в нем очень странно.

На удивление, Мишку ответ устроил. Он дернул меня за рукав:

– Пошли за ним.

Выходить из затененного двора на пропеченную солнцем улицу не хотелось. Но мне и самому стало интересно. А вдруг – шпион? Как в «Ошибке резидента»? И сейчас, быть может, резидент совершает ошибку, которая выдаст его с головой. Но, как назло, никого из бдительных граждан рядом не окажется, чтобы сообщить сотруднику НКВД. Конечно, для десятиклассника играть в шпионов – не по возрасту. Но и дуреть от летнего безделья надоело.

В молочном прохладно пахло молоком и влажным прилавком. Продавщица скучала, а Николай Николаевич внимательно рассматривал стоящие перед ним бутылки. Литровые – с молоком. Полулитровые – с кефиром, ряженкой, совсем маленькие баночки – со сметаной.

– Это что? – он показал на литровую бутылку.

– Молоко, – сказала продавщица.

– А это?

– Кефир.

– А...

– Ряженка, – не дожидаясь вопроса сказала продавщица. – Гражданин, что брать будете?

Мы с Мишкой переглянулись. Вот! Вот оно!

– Все, все буду брать, – сказал Николай Николаевич. – У них и крышечки разные... – пробормотал он себе под нос, рассматривая бутылку с ряженкой.

Неловко загрузив в авоську бутылки, Николай Николаевич направился в булочную, где так же долго рассматривал лежащие на лотках булки, бублики, кирпичи черного хлеба, а в витрине прилавка – упаковки вафель и россыпи сухарей. От запаха свежего хлеба нам с Мишкой захотелось есть. Мы не удержались и купили по бублику, благо в карманах как раз завалялось два пятака. И для маскировки хорошо. Мы что? Мы бублики покупаем. А то, что тут Николай Николаевич оказался, – просто случайность.

Выйдя из хлебного и доедая бублики, мы уселись на поребрик, думая, что новый сосед отправится домой, но не тут-то было. С полной авоськой, которая почти скребла асфальт, потому как туда добавились булка, хлеб и кулек сухарей, он отправился дальше вдоль нашего дома в магазин спортивных товаров.

Мы с Мишкой переглянулись. Одна и та же мысль возникла у нас – Таня!

Чем хорош август – тем, что в магазине «Спорттовары» появляются молоденькие продавщицы. Наши ровесницы из торгового техникума, которые проходят там практику. Таня – одна из них. Самая симпатичная. Когда Мишка зачастил в «Спорттовары», я и вправду поверил, что он решил над мышцами поработать. Эспандер купить. Гантели. Но когда я взялся ему в этом деле помогать, то сообразил – дело не в мышцах. А в Тане. На которую Мишка косился, как конь на овес. Гантель берет, примеривается, а сам – на прилавок смотрит, за которым Таня стоит. Когда я ее в первый раз увидел, она мне не слишком понравилась. Худенькая чересчур. Будто голодала. Но потом... То ли Мишка так на меня повлиял, то ли я сам, в общем, не проходило и дня, чтобы мы в этих «Спорттоварах» что-нибудь не выбирали. То лодку резиновую, то удочки, то штангу, то перчатки боксерские.

Мы опоздали. Когда, запыхавшись, ввалились в магазин, оказалось, что новый сосед даром время не терял, а, облокотившись на прилавок, о чем-то беседовал с Таней. Таня улыбалась и кивала. Мишка рванул к прилавку, но я его удержал. Никакой конспирации! Не хватало еще выдать себя с головой!

Мы принялись расхаживать по магазину, одновременно наблюдая, как Таня выкладывает перед Николаем Николаевичем удочки, сачки, леску, крючки. Тот все внимательно рассматривал, качал головой, откладывал. Самое большое внимание его привлек сачок. Он и так примеривался, и этак, будто не на рыбалку, а за бабочками собрался.

Сачок он все же купил. Тут и настал момент истины. По-хорошему, следовало продолжить слежку, но у Тани следовало выяснить – о чем они так мило разговаривали?

– Иди за ним, – хмуро бросил Мишка. – А я с Таней словечком перекинусь.

– С какой стати? – не менее хмуро сказал я. – Иди ты, а с Таней и я поговорить могу.

В общем, чуть не поссорились. Прямо там, в магазине.

2. Мельмот Скиталец

В парадном не пахло ничем. Даже смертью. И тем более – мочой и фекалиями. Фекалиями... Муравей попытался улыбнуться собственной интеллигентности. Он полз на второй этаж по широкой лестнице. Как самый настоящий муравей. Если только муравьи могли существовать в таком адском холоде. И голоде. Засунутая в карман пальто рука слабо сжалась. На том месте, где теперь пустота. Ничего. Ни крошки от ста двадцати пяти граммов хлеба. Вязкого, словно глина. То, что полагалось ему как научному сотруднику Музея естествознания. Как хранителю кита.

– Зачем вы это сделали?

Голова кружилась, и Муравью показалось, что голос раздается прямо в звенящем от пустоты черепе.

– Зачем вы это сделали? – повторил голос. – Ведь она все равно умрет. А у вас еще есть... был шанс выжить.

Вопрошающий сидел на ступеньке и не смотрел на Муравья. Казалось, что он и не к нему обращался, а говорил в промежутки между стойками перил.

– Что? – сил не осталось, но проклятая интеллигентность заставляла открывать рот. Тратить последние крохи сил. Хотя, если подумать, зачем ему эти крохи? Подняться в комнату, упасть на кровать и умереть? Это можно сделать и здесь. В ходе содержательной и дружеской беседы с незнакомцем.

– Вы отдали девочке весь свой хлеб, – терпеливо сказал незнакомец. – Она его не сможет съесть и сегодня вечером, – он посмотрел на запястье, которое охватывал массивный браслет, – да, сегодня вечером она умрет. Ваша жертва напрасна.

«Сумасшедший, – подумал Муравей. – Голод и холод доводят людей до сумасшествия. Или он хотел, чтобы этот хлеб достался ему?»

Незнакомец протянул к Муравью ладонь, на которой что-то чернело. Размером со спичечный коробок.

Хлеб!

– Возьмите. Ей он не понадобится, поверьте.

Муравей крепче ухватился за перила. Голова кружилась сильнее. Хотелось тоже присесть на ступеньку и отдохнуть. Но он знал – этого делать не следует. Ледяной мрамор вытянет из тела последние крохи тепла. Как он вытянул из многих других соседей, которые тоже поднимались к себе в комнаты и решали немного передохнуть. А потом заледенелые трупы долго чернели на ступеньках, пока не приходила похоронная команда и не выносила их прочь.

Головокружение немного утихло. Муравей отпустил перила, оперся другой рукой о стенку и продолжил подъем, обойдя незнакомца. Пусть сидит.

Пройдя длинным коридором коммуналки, тихим и гулким, Муравей толкнул незапертую дверь комнаты и опустился на табурет. Когда-то отец говорил, что в старости время замедляется – все делаешь очень медленно, неторопливо. Голод – это старость. От него тоже все невероятно замедляется. И если сначала хочется есть, ужасно хочется есть, то потом голод сменяется желанием спать, дремать в самых неподходящих для этого местах, например, в очереди за хлебом. Но в конце концов уже не хочется ни есть, ни спать.

– У вас много книг, – сказал незнакомец, и Муравей поднял упавшую было на грудь голову. – Вы, наверное, много читаете?

– Что... вы... здесь... делаете? – Слова давались с трудом. Как будто совершаешь тяжелую работу. Но дремота слегка рассеялась, и Муравей даже почувствовал нечто вроде благодарности к бесцеремонному посетителю.

– Смотрю книги, – незнакомец продемонстрировал томик. – «Мельмот Скиталец». Не читали?

Где-то между томиками изданий Academia были втиснуты тощие научно-популярные брошюры за авторством Н. Н. Муравья.

– Читал...

– Тем лучше! – обрадованно воскликнул незнакомец, звук сытого голоса наполнил комнату и, не уместившись в ней, прокатился по коридору.

Муравей даже поежился, настолько голос был сыт. В животе заболело. Ему давно казалось, что его тело перешло на самопоедание. Пока толстый сохнет, худой сдохнет... кто говорил эту присказку? Голод опроверг ее. Толстые умерли первыми. А тощий Муравей жив до сих пор.

– Дело в том, что я – Мельмот, – сказал незнакомец. – И как полагается Мельмоту, у меня к вам предложение. Предложение, от которого вы не откажетесь.

Муравей закрыл глаза. Как ему показалось – ненадолго. На мгновение. Но его тут же затрясли за плечо.

– Вам нельзя спать, – сказал незнакомец, назвавшийся Мельмотом. – Вы в критическом состоянии от недоедания. Вы напрасно отдали хлеб той девочке... хотя, если бы вы этого не сделали, я не смог здесь оказаться.

– Предложение... – вспомнил Муравей. – Хотите... дать... мне... поесть?

– Нет, – Мельмот рассмеялся, – нет, ну что вы. Я дам вам гораздо большее. Вечность! Вы желаете Вечность?

– Не... понимаю...

Мельмот присел перед ним на корточки, положил горячие ладони ему на колени и заглянул в глаза:

– Вечность, которая зовет вас. Вы слышите ее зов?

3. Человеческая комедия

В последующие дни ничего толком мы про Николая Николаевича не выяснили. Ну, ходит человек в магазин. Сначала в молочный, потом в булочную, затем в «Спорттовары», заглядывает в киоск, газеты покупает, журналы. Что необычного? Да к тому же между мной и Мишкой черная кошка пробежала. У нас такое бывает. Будто устаем друг от друга и на какое-то время расходимся. Потом опять сходимся, не разлей вода.

И тут случилось такое, что всю кашу и заварило. Николай Николаевич познакомился с Мишкиным отцом.

– Он к нам приходил! – выпалил Мишка с порога, как только я открыл дверь на его длинный звонок. Есть у него дурная привычка – держать палец на звонке, пока не откроют. Соседи ругались, но Мишке все нипочем.

– Кто? – зевнул я. Полночи читал, поэтому не выспался. Даже забыл про черную кошку, что между нами пробежала.

– Николай Николаевич, – сказал Мишка.

Я пожал плечами – приходил и приходил. Честно говоря, и думать о нем забыл. Это Мишка у нас мастер выдумывать. До сих пор содрогаюсь, вспоминая, как мы с ним на даче кашу варили. А уж как собаку в чемодане везли...

– Ну, – говорю, – и на здоровье, – а сам зеваю, не могу удержаться, томиком Бальзака рот прикрываю.

– Ух-то, – говорит Мишка, – Бальзак! Человеческая комедия. Как ты сквозь это продираешься?

Не то чтобы Мишку это удивило, он и сам не такое читает – Кафку там, Хемингуэя, благо библиотека у родителей огромная, а деду как участнику Гражданской подписные издания дают, да такие, от которых у меня слюнки текут. Мишка теми изданиями, конечно же, делится, не то что некоторые, которые даже листочки к книжным шкафам кнопят: «Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом». Где такое увидишь, сразу хочется развернуться на пороге и уйти. А в общем, мириться Мишка пришел, вот и все дела.

Помирились.

– Завтра вечером давай ко мне, – сказал Мишка. – Этот Николай Николаевич опять к нам придет, может, что и разузнаем.

– Завтра вечером «Кабачок «Тринадцать стульев», – заикнулся было я, но Мишка так посмотрел, что я пошел на попятную. – А что у него за дела к отцу твоему?

– Как я понял, – Мишка запнулся и слегка покраснел, из чего я догадался, что он подслушивал разговор отца и нового соседа, – как я понял, они хотят о времени поговорить.

4. Кафе «Альфа»

Дорога была древней. Бетон потрескался, из трещин росла трава, а кое-где пробились и деревца. За плотными зарослями кустов по обочинам виднелись поля, покрытые столь густыми травами, что казалось – сойди с дороги и увязнешь в ней, в непроходимой, жаркой чащобе, обитатели оглушительно стрекочущих кузнечиков, порхающих бабочек и натужно гудящих пчел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.